

УДК: 94(47)“1714”

Т.С. МАМСИК

ЭКСПЕДИЦИЯ И.Д. БУХОЛЬЦА И «ВОССТАНИЕ» ИШИМСКИХ КРЕСТЬЯН 1714 г.

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: mamsik@ngs.ru

В статье дан анализ событий в Сибири, спровоцированных администрацией губернатора М.П. Гагарина для прикрытия его замыслов по отделению региона в виде удельного княжества-магнатства. В центре внимания автора – действия петровских посланцев и контрмеры гагаринцев, в частности так называемое восстание на Ишиме.

Ключевые слова: М.П. Гагарин, И.Д. Бухольц, И.-Ф. Страленберг, ишимские слободы.

Прошло чуть более четырех столетий от начала вхождения Сибири в состав России, но содержание многих страниц ее истории остается нераспознанным, в том числе и касающихся взаимоотношений центра и региона. Одна из причин такой ситуации – наличие историографических догм. Освобождение от них – процесс закономерный и в то же время многошаговый, длительный. Ранее [1, с. 5–9] нами была предложена версия событий в период судейства в Сибирском приказе и губернаторства в Сибири князя М.П. Гагарина (1706–1717). Согласно ей готовилось если не отторжение Сибири, то существенное изменение ее политического статуса и социально-сословного строя населения. В данной статье предложен ряд подтверждений данного тезиса.

Речь идет о поисках более аутентичных подходов к достаточно известным фактам. Важнейшее значение при этом имеет анализ временной и пространственной связи событий, а также внимание к деталям, которые в рамках прежних концепций и методологических посылок устранялись из поля зрения исследователей как несущественные. В связи с нашей темой обозначенные принципы применены к двум ситуациям. Одна из них – прерванная экспедиция подполковника И.Д. Бухольца (Бухолца) вглубь Азии с целью поисков золотоносных месторождений – послужила формальным поводом к началу следственного «дела» (1717) первого сибирского губернатора, закончившегося его казнью (1721) [1]. Вторая, традиционно именуемая в литературе «восстанием крестьян ишимских слобод» [2, с. 24–31], явилась фоном подготовки названной экспедиции.

По ряду признаков «восстание» следует рассматривать в контексте тех мер, которые были приняты и самим князем, и его доверенными людьми¹ по срыву

похода Бухольца. Этот вывод опирается на сопоставительный анализ информации разных источников: данных И.-Ф. Страленберга – пленного шведа, жившего в Тобольске в период описываемых событий [3, с. 142–146;]; корреспонденций из Сибири Бухольца на имя Петра I [4; 5, с. 46–57]; материалов следственного дела по поводу «восстания» [2], а также свидетельств, собранных майором И.М. Лихаревым, посланным царем в 1719 г. с командой гвардейцев в Сибирь, во-первых, для дальнейшего исследования путей в Яркенд, а во-вторых, – для сбора сведений по делу Гагарина и, в частности, о причинах оставления Бухольцем Ямышевской крепости [6, с. 128–129, 139, 140].

Идею похода в Яркенд² для поисков золотоносных месторождений Гагарин предложил Петру I лично, доставив в Петербург «поболши 10 фунтов... того песчаного золота». При этом он, согласно сведениям Страленберга, просил для задуманного похода вглубь джунгарских владений «ружья и амуниции тысяч на десять человек³, ... несколько оружейных и пороховых мастеров, протчее же обнадежил сыскать в Сибири» [3, с. 146] (здесь и далее выделено нами. – Т. М.). Но, как полагал швед, в Яркенд Гагарин не собирался, а оружием запасался для других целей. «А имянно: ежели умышленныя против государя на Москве предприятия в действо произведены быть могли, то намерен он был сию губернию учинить особливым царством». С этими отдаленными целями губернатор «в военные

пали под судебные «розыски», а их имущество было конфисковано [7, с. 163–185].

² Яркенд (Иркет, Еркеть, Эркет) – ныне г. Шачэ в Синцзян-Уйгурском автономном районе Китая, к юго-востоку от Кашгара и к северо-западу от Хотана. В первой половине XVIII в. входил в состав Джунгарии [8, с. 146].

³ В публикации Э.П. Зиннера ошибочно – «100 000», что придало сведениям Страленберга нереальный характер [9, с. 134].

¹ Это были свойственники и «приятели» князя, дружно грабившие сибиряков в период его губернаторства. Многие из них по-

и гражданские службы (старался. – Т. М.) определять свойственников своих и приятелей, которые ни в каких его народных отягочениях не могли (ему) препятствовать» [3, с. 142, 143].

За пределами внимания Страленберга остался факт перемещения в пограничные районы Сибири населения из «русских городов», известный ныне из других источников [1, с. 7]. Но он засвидетельствовал действия Гагарина по созданию драгунских полков под видом пограничной ландмилиции. Крестьян, за взятки зачисленных в драгуны, он освобождал от уплаты государственного налога, но не платил им и жалованья. В то же время, «когда он з губернии своей долженствовал набирать рекрутов, тогда с пограничных российских провинций, яко Пермской, Вятской и Печерской имал вдвое, другия ж города внутри Сибирской области обходил, но денги за то брать не оставивал». Данный порядок позволял губернатору в перспективе без затруднения собрать «пехотное войско... под предлогом рекрутского набора, а в офицеры в случае употребить из шведских пленников». Склонял Гагарин на свою сторону и верхушку служилого населения, предоставляя ее сыновьям «первее многих» (т.е. вне очередь. – Т. М.) чины детей боярских [3, с. 142, 143]. Эти люди также служили без жалованья, компенсируя его поборами и взятками, в надежде на будущие привилегии в «особливом царстве».

Для подготовки «сибирской» армии Гагарину недоставало «довольнаго чина (калибра. – Т. М.) ружей и пороху; пушек же и принадлежасчих к ним ядер довольно было на сибирских железных заводах». Проблема, однако, состояла в том, что заполучить их возможно было лишь «с сенатского позволения», а «нужного резону» к такому требованию не было – «соседняя сторона (Китай и Джунгария. – Т. М.) была тогда мирна и спокойна»⁴ [3, с. 146]. В связи с обозначенной проблемой и возник у Гагарина проект «Яркендского похода».

Как выяснилось позже, больших возможностей для золотодобычи названный район не имел. «А подлиннова и вернава ведомца о песошном золоте близ Еркета, – сообщал Бухольц царю, – *господин губернатор мне не дал*, а тобольские жители, которые бывали в Еркете, ни единой не сведом о том золоте подлино, а привозят то золото в Тобольск бухарцы и продают» [4, с. 48]. Гагарин же и после отъезда Бухольца в целях своего оправдания вновь посылал царю приобретенное у торговцев золото [10, с. 252].

Прибытие в Тобольск 13 ноября 1714 г. подполковника Бухольца в качестве руководителя экспеди-

ции окончательно разрушило план Гагарина. Губернатор при этом был назначен ответственным за ее проведение, и ему велено было обеспечить Бухольца как людьми, так и снаряжением. В спешке гагаринцы предприняли все возможные меры, чтобы выдворить Бухольца из Сибири, возложив на него вину за провал экспедиции.

Только на 8-й месяц пребывания в Тобольске Бухольц получил команду из драгун и солдат, но «таких, которые ничего экзерциции не знали и не стреливали»; из пушек оказалось «годных к походу» только две, да и те без ядер и селитры; «ружье все негодно и без штыков», а палашей не только у солдат, но и в казне не было. Отсутствовал и элементарный инвентарь для строительства крепости на Ямыше: топоры, лопаты и проч., «ни телег походных, ни ящиков патронных, ни людем мундиру — ничего не было». Гагарин тянул время и отделялся обещаниями «прислать с Москвы зимою фузей со штыками две тысячи и палашей, пороху, фитилю, и селитры и стали», но обещание не выполнил; «приказывал вылить двенадцать медных пушек», а Бухольц получил только пять. Лошадей было закуплено 1500, но седел оказалось недостаточно и т.п. Главное же препятствие чинил «заместитель» Гагарина. «Обер-камендант⁵ меня задержал, – писал царю Бухольц, – для того, что и по сее число дощеников и других судов с припасы такова числа, на чем мне подняца (по Иртышу. – Т. М.), не изготовил, а паче, *провианту, и денег толко на полгода со мною отправляет, и во всем мне от него великое задержание*, знатно, государь, для того, что о мне к нему вашего величества указу нет» [4, с. 47].

Но дело было не в указе. Задержка Бухольца в Тобольске и его молчание по этому поводу вызвали беспокойство царя. Между тем информация Бухольца Петру с описанием ситуации, в которую он попал в Сибири еще до похода, адресата просто не достигала. Речь идет о письме от 13 января 1715 г., отправленном подполковником с капралом Хлусовым, который «был прислан с указом до господина губернатора Сибири» и отбыл обратно. «В том письме, – сообщал Бухольц, – писано, зачем я задержался в Тобольску и зимовал, ... а для чего, государь, то писмо вскоре вашему величеству не явлено, о том я не сведом, и о том писме сведом *господин губернатор Сибири*» [4, с. 47]. Гагарин задерживал письмо с компроматом на себя и в надежде направить гнев царя на Бухольца.

Только 1 октября 1716 г. Бухольц добрался со своим отрядом (2795 «разного чина людей»; на 32 дощаниках и 27 больших лодках) до Ямыш-озера, где ему велено было построить крепость. Уже к 10 ноября 1716 г. крепость, при ней артиллерийский острог, казармы, надолбы были построены. Отряд расположился зимовать на Ямыше в ожидании дополнительного провианта и денег. Однако уже в начале января часть людей (до 260 чел.) с Ямыша сбежала [5, с. 53]. Ушли бегле-

⁴ Состояние немирной обстановки приходилось «создавать» самим гагаринцам. К примеру, Р.А. Траханиотов, комендант Томска (1713–1715), тесть Гагарина, арестовав посла «Калмышской земли», держал его «за караулом», «вымучил» товаров на 7 тыс. руб. В ходе «розыска» свидетели писали: «за ту его, Траханиотова, злобу контайшины люди с томскими и кузнецкими жителями в ссоре, и многих побивают и грабят, и в полон берут, и скот отгоняют» [6, с. 141]. Аналогично действовали воеводы и других пограничных городов [10, с. 253].

⁵ Стольник С.П. Карпов – «помощник Гагарина по управлению губернией» и одновременно воевода (комендант) Тары [6, с. 93].

цы, очевидно, к джунгарам, так как путь домой был неблизким и опасным.

В Тобольске Бухольц «видел у губернатора посланцев контайши» и, конечно, не сомневался, что тот снабдил их соответствующими документами, извещавшими владетеля Джунгарии о мирных целях похода. К тому же и появление отряда на Ямыше, и строительство крепости не вызвало у джунгар недовольства.

Однако послы контайши в сопровождении полковника Толбузина отправились на родину в то время, когда Бухольц уже был на Ямыше. По пути они были ограблены казаками, а Толбузин привел их в крепость, где они находились некоторое время в ожидании подвода от контайши. По их совету, как писал в отчете сенату Бухольц [4, с. 52–53], он направил с ними (в начале января 1716 г.) к контайше поручика Трубникова в сопровождении отряда из 50 чел. с извещением, что экспедиция его мирная и осуществляется по царскому указу для поиска рудных ископаемых [5, с. 52]. Выяснилось также, что и Гагарин послал в ставку хана Журыхта-Эрдени сотника В.Б. Чередова. В наказе послу присутствовали указания, в соответствии с которыми губернатор от лица царя предлагал контайше «быть в послушании ему, как хан Аюка»⁶ – глава приволжских калмыков, находившихся в русском подданстве с начала XVII в. Подобное заявление без соответствующей дипломатической подготовки и при наличии на Ямыше войска не могло не вызвать ответной негативной реакции со стороны контайши. Оба посла оказались в плену: Трубников – у казахов, а Чередов – у калмыков. В литературе ситуация на Ямыше оценивается неоднозначно [5, с. 52–55; 10, с. 250–252; 11, с. 298–300], что косвенно указывает на не до конца выясненную позицию Гагарина. В свое время П.А. Словцов полагал, что губернатор «под рукою направлял киргизов (казахов. – Т. М.) к нападениям» [10, с. 252]. В.К. Андриевич же писал о циркулировании среди кочевников слухов (приписываемых Трубникову), будто «Бухольц имеет царский пакет», с «предписанием, что ему делать в Еркете», но вскрыет его только по прибытии на место [11, с. 299]. Как видно, Гагарин устроил Бухольцу на Ямыше «западню», спровоцировав агрессию со стороны и калмыков, и казахов, находившихся в состоянии войны друг с другом.

Джунгары захватили на подходе к Ямышу долгожданный «транспорти» с продовольствием и казной (до 20 тыс. руб.), группу шведов, купцов и промышленников, всего до 700 чел., несмотря на наличие военного конвоя. А 9 февраля 1716 г. войско контайши в составе 10 тыс. чел. атаковало отряд Бухольца. Были отогнаны лошади, захвачена часть продовольствия. Бухольцу предъявлен ультиматум – покинуть крепость, несмотря на его уверения, что строилась она в целях «увеличения дружбы и торговли» [5, с. 55–56; 9, с. 81].

Бухольц не решился применять артиллерию [10, с. 252], напрасно ждал помощи из Тобольска, хотя сомнительно, чтобы там не знали об отчаянном положении отряда. После трехмесячной осады в условиях голода и болезней, едва дождавшись возможности сплава, 28 апреля 1716 г. Бухольц, разрушив крепость, с остатками людей (700 чел.) двинулся вниз по Иртышу к устью Оми, где им была заложена Омская крепость (май 1716 г.) [5, с. 54–55]. Вследствие информационной блокады, устроенной гагаринцами, в столице еще и в августе 1716 г. не было известно ни о судьбе отряда, ни о новопостроенной Омской крепости. Царь, получив в августе 1716 г. письмо Бухольца от 9 июня 1715 г. указом 6 августа приказывал Сенату поторопить губернатора с экипировкой отряда. В указе же от 7 августа Гагарину напомнил о своем ему повелении (при отъезде из Петербурга): лично «к нему (Бухольцу. – Т. М.) съездить». В случае срыва экспедиции «пригрозил»: «взыщется все на вас» [4, с. 46].

Если корреспонденция от Бухольца до царя доходила лишь частично, то распоряжения самого Гагарина с далеко идущими целями компрометации подполковника каким-то образом его достигали в самое неподходящее время. Так, уже указом от 25 сентября 1715 г. Сенат (по доношению Гагарина) затребовал от Бухольца отчет о материальных и финансовых затратах на экипировку отряда. Адресат получил указ на Ямыше в январе 1716 г. и в условиях последовавшей затем трехмесячной осады, разумеется, не мог его выполнить.

Приступил Бухольц к отчету только в Омске. Но, как выясняется, указ об отчете, по сути, адресован был самому Гагарину. Его люди (комиссары) распоряжались и экипировкой отряда, и выданными им денежными суммами [4, с. 49]. В августе 1716 г. Бухольц «с нарочным курьером» отправил свой отчет в Тобольск к губернатору, однако тот «оного (в Сенат. – Т. М.) ...отправить не изволил и прислал назад ко мне в полки на устье Оми-реки». В октябре 1716 г. (через год по получении указа) Бухольц отправил свой отчет в Сенат «почтой» с подробным изложением обстоятельств дела [4, с. 50].

Бухольц покинул Омск 22 декабря 1716 г, но его общий отчет Сенату об экспедиции состоялся только 22 января 1719 г. Подполковнику удалось оправдаться, чему способствовала информация, собранная майором Лихаревым [5, с. 56; 6, с. 105].

Тотальный саботаж царского указа о Яркендском походе нашел отражение еще в одной грандиозной провокации гагаринской администрации, вызвавшей «восстание» на Ишиме. Жертвами ее стали обитатели Орлова городища, Коркиной и Абацкой слобод. Приишимье было тем районом, куда в период правления Гагарина тайно перемещалось население из упоминавшихся «пограничных провинций». Значительная часть новоприходцев не учитывалась податными документами, и сборы с них шли в карманы администрации. В некоторых слободах больше половины крестьян Гагарин за взятки зачислил на службу в драгунские команды без жалованья, но освободив от податей. В со-

⁶ Опубликованный в свое время наказ губернатора В. Чередову датирован 1716 г. «...февраля» (без указания даты). – См.: Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1885. Кн. 2. С. 85–87.

вокупности в трех слободах насчитывалось 2037 чел., из них крестьян 695 (34 %. Подсчет наш. – Т. М.) [1, с. 7; 2, с. 15].

События на Ишиме начались в слободе Орлово городище в феврале 1714 г., еще до царского указа о походе⁷. Поводом к ним послужило распоряжение губернатора о сборе провианта для шведских пленнх. Бухольц, согласно воле царя, мог взять в отряд часть шведских офицеров. Вероятно, это и было использовано провокаторами как повод для возбуждения недовольства крестьян. Полагая сбор незаконным, они свое негодование обратили на приказчика Семена Немтинова, который незадолго до этого уже взъяскал с них 661 руб. Далее последовали бегство Немтинова, реквизиция денег, арест его семьи и т. п. Примечательно, что во главе возмущенных крестьян оказался посторонний для их общества пришлый человек – грамотный портной Иван Тупиков, с характерным прозвищем Заматоха [2, с. 27].

Удивительнее всего то, что тобольские власти не могли подавить протест в течение 9 мес., несмотря на посылку военных отрядов и наличие в слободах, как уже сказано, драгунских команд, по численности превосходивших количество крестьян. Бунтовщики захватили оружие и даже пушку (ее не использовали); в критические моменты рассылали письма, собирая вооруженных жителей всей округи (до тысячи чел.). Назначение нового приказчика не остановило волнений, крестьяне отказывались от уплаты налогов, периодически подавали челобитные митрополиту, жалуясь на бесчинства усмирительных отрядов и их командиров. Арест зачинщиков состоялся в ноябре 1714 г. (к сожалению, число не указано. – Т. М.), по-видимому, почти одновременно с появлением 13 ноября Бухольца в Тобольске. Заматоха обвинил Немчинова в незаконных операциях с «мяжкой рухлядью» и был отослан для допросов в Сенат. Но в столицу самовольно отправились и челобитчики от слобод. Там они были арестованы, а для расследования дела о бунте послан стольник М. Ртищев. Появился он в Тобольске только в январе 1717 г. и вел расследование до 28 января 1718 г. [2, с. 29]. Очевидно, что дело было «закончено» (крестьяне отказались от своих претензий к Немчинову)⁸, когда выяснилось, что Гагарин более в Сибирь не вернется.

Ситуация крестьянского «восстания» должна была оправдать в глазах правительства задержку и формирование отряда, и снабжения его провиантом. Ишим был ближайшим из возможных источников снабжения продуктами оставшихся зимовать на Ямыше людей.

Масштабы протеста крестьян, вне сомнения, были намеренно преувеличены. Обе стороны – крес-

тьяне в подаваемых жалобах, а командиры в доношениях – старались как можно выразительнее обвинить друг друга в противоправных действиях. Общая картина «бунта» выглядела достаточно убедительно, что и было наруку администрации Тобольска. Вовремя заявленное Заматохой «слово и дело» снимало с нее обвинение с затягиванием следствия. Ситуация на Ишиме, рассматриваемая вне контекста политических событий общероссийского масштаба, подавалась в историографии как образец локального, но «типичного антифеодального движения» крестьян: «оно свидетельствовало о том, что крепостничество... проникло в самые отдаленные районы страны и распространилось не только на частновладельческих, но и на государственных крестьян» [2, с. 31].

Накопленные за прошедшее полвека факты и новейшие теоретико-методологические принципы их осмысления не дают оснований принять столь прямолинейную трактовку как данных, так и многих других событий, маркируемых в качестве форм «антифеодальной» борьбы крестьянства». Крестьяне использовали все возможности для отстаивания своих классово-социальных интересов, но только в тех границах, которые предоставляла им политическая борьба в правящих верхах. Так было в истории и Европы, и Азии.

Преследуя свои цели, Гагарин, судя по описанию Страленберга, в отличие от своих воевод, вел «пиар-кампанию» среди «подлого народа» по-иезуитски хитро. Жалующимся на тяжесть поборов (его же поделниками) сочувствовал, но ссылался на указы государя, «которые переменить ему невозможно», и якобы он «о том его величеству многожды доносил, но сам чрез то в великую немилость пришел». «При некоторых жителях» (раскольниках. – Т. М.) принимался «сожалеть о пременениях в вере и говаривал, что такое ныне [время], в которое церковь великое гонение претерпевает». При этом «обнадеживал лучшими временами», «притворялся благочестивым», сняв парик, «ходил повседневно в церковь и жестоко постился». Благодаря такому поведению, в простонародной среде он воспринимался как «снисходительной, милосердной и общаго благополучия желающий человек» [3, с. 142, 143].

Совершенно очевидно, что к переселениям в Сибирь призывались прежде всего раскольники, вследствие чего Ишим позже считался одним из районов, где население в значительной части было представлено староверами. Они имели свою организацию во главе с инициативными лидерами, которые добивались автономии от официальной церкви как легальными, так и нелегальными способами [12, с. 31–45; 13, с. 17–20].

Острые политические противостояния в верхах, отражением которых служили следствия, судебные процессы и казни в петровское, а затем и аннинское время, свидетельствовали о том, что страна по-прежнему находилась в состоянии гражданской войны, или, по терминологии XVII в., «смуты». Крестьянин, как видно на примере Ишима, поддерживал ту власть, которая в качестве «залога» обещала перемену «к лучшему». Вопрос о законности ее действий ни для крес-

⁷ Указ издан 22 мая 1714 г. по обстоятельства похода Петр, конечно, обсуждал с князем до указа.

⁸ Активные участники наказаны кнутом и батогами. Дело И. Лузина и Заматохи закончилось (1728 г.) кнутом и ссылкой, соответственно – в Березов и в Нерчинские заводы. Заматоха с дороги бежал, жил по подложному паспорту, в 1734 г. в Томске задержан, отправлен в Москву и в 1735 г. казнен на Болотной площади [2, с. 37].

тян, ни для драгун, набираемых из их состава, не представлял интереса.

Чувство гражданственности, стремление к укреплению российской государственности были совершенно чужды сознанию низов. Крепостничества в том виде, как оно существовало в помещичьем центре, в Сибири еще не было. Но своим анархическим поведением, желанием сиюминутной выгоды масса, не осознавая того, готовила для себя в перспективе судьбу крепостных земледельцев. Спас их от нее «российский абсолютизм» в лице Петра Великого и его ближайших преемников, которые строили общество в соответствии с социальной природой государственности, характерной для перехода от феодализма к капитализму [14, с. 40–56].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамсик Т.С. Верхний Иртыш и Среднее Приобье в свете политических конфликтов Петровской эпохи // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3, вып. 2.
2. Голикова Н.Б. Восстание крестьян ишимских слобод // Ишим далекий и близкий. Ишим: НГПИ им. П.П. Ершова, 1997. (Переиздание статьи 1963 г.: Голикова Н.Б. Восстание крестьян ишимских слобод в 1714 году (Из истории классовой борьбы сибирских крестьян) // Вестник МГУ. 1963. Сер. IX. Вып. 3).
3. Записки капитана Иоганна Фридриха Страленберга по истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и восточная часть Европы и Азии. М.; Л. 1985. Ч. 1.

4. Из истории Омска (1716-1917): очерки, документы, материалы // сост. Е.Н. Евсеев, М.А. Плетнева, О.К. Сосненко. Омск, 1967.
5. Евсеев Е.Н. Экспедиция И.Д. Бухолца и основание Омской крепости // Города Сибири. Новосибирск, 1974.
6. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. Новосибирск, 2003.
7. Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.
8. Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В.Н. Татищева): сб. док. / сост. В.Б. Бородаев, А.В. Контев. СПб., 2010.
9. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.
10. Словоцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995.
11. Андриевич В.К. История Сибири. Ч. II. / сост. по данным ПСЗ и актов Петровского времени. СПб., 1889.
12. Мамсик Т.С. Староверы Каргополовы и их окружение. Из истории ишимского старообрядчества // Коркина слобода. Краеведческий альманах. Ишим, 2005. Вып. 7.
13. Курилов В.Н., Мамсик Т.С. Ишимские старообрядцы в официальной статистике 1840-х гг. // Коркина слобода. Краеведческий альманах. Ишим, 2010. Вып. 11.
14. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. Новосибирск, 2009.

Статья поступила
в редакцию 17.12.2012

УДК 94(47)

И.П. КАМЕНЕЦКИЙ

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ КУПЦА А. ВЕРХОТУРОВА: К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ РАЗВЕДКИ В ДЖУНГАРИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: kameneckiiwan@mail.ru

В статье показано участие сибирских купцов в ведении разведки в Джунгарии. Благодаря деятельности А. Верхотурова и других тайных агентов русские власти получали необходимые сведения о внутреннем и внешнем положении кочевой империи, позволявшие России обеспечивать безопасность своих рубежей и укреплять имперское присутствие во Внутренней Азии.

Ключевые слова: Россия, Джунгария, «зенгорские обращения», русская разведка, сибирские купцы, А. Верхотуров.

Смерть джунгарского правителя Галдан-Цэрена в 1745 г. породила острую борьбу ойратских правителей за ханский престол и привела к обострению отношений с Россией. Новый правитель Цэван-Дорджи, пытаясь укрепить свое непрочное положение среди многих претендентов на власть, занял враждебную позицию по отношению к российским властям. Она проявилась в новых территориальных претензи-

ях к России, сборе ясака с неподвластных джунгарам народам, угрозе Кольвано-Воскресенским заводам, перешедшим вскоре в собственность ее и.в., разрыве посольских и торговых связей с Россией и других недружественных акциях.

Весной и летом 1744 г. из Джунгарии в Сибирь стали поступать сведения о подготовке ойратами нападения на линейные крепости и Кольвано-Воскре-